

**THE ROLE OF THE WAQF SUPREME
OFFICE IN THE SOVIETIZATION
OF MUSLIM EDUCATION AND THE
ESTABLISHMENT OF THE SOVIET
SCHOOL NETWORK IN TURKESTAN**

Daniil Melentev
back-in-95@mail.ru

The article sheds light on a still poorly studied problem of how traditional Islamic education was initially modernized in the context of building of the Soviet school in Turkestan in the 1920s. The focus is made on a short history of the so-called Waqf Supreme Office that was charged with administration and management of state secular and religious schools (elementary maktab and advanced college madrasahs) in 1923-1926. The author argues that this institution contributed to the creation of a “Soviet Islam” loyal to the communist state in Central Asia. In addition, the article investigates the role of Jadid reformists in the early Soviet cultural reforms, their relationship with the Turkestan’s Bolsheviks, and the latter’s attitude to Islamic endowments and other cultural and charitable practices. A special attention is paid to continuities and ruptures between the late imperial and the early Soviet politics to Russia’s own Islam in its (ex-)colonial Oriental borderlands.

Key words: *Waqf Supreme Office, jadids, modernization, Sovietization, state reforms, state regulation, education, enlightenment, Turkestan, Central Asia.*

The School of Humanitarian Studies
of History Faculty, National Research
University Higher School of Economics
Daniil Melentev

РОЛЬ ГЛАВНОГО ВАКУФНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВЕТИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ СЕТИ ШКОЛ В ТУРКЕСТАНЕ

Даниил Мелентьев

back-in-95@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.08.1.04>

Настоящая статья посвящена советизации мусульманского образования, а также начальному этапу строительства советской школы в 1920-е годы в Туркестане. Предпринимается попытка посмотреть на процесс модернизации мусульманского социума Туркестана через институт Главного Вакуфного Управления, который играл важную роль в советской системе регулирования и распределения. Вакуфное управление в статье представляется как первый шаг к созданию лояльного коммунистическому государству «советского ислама» в Средней Азии в будущем. В исследовании излагается программа советско-джадидской реформы традиционных учебных заведений — мактаба и медресе. Анализируется контекст, в котором происходили обозначенные трансформации, и каково было отношение туркестанских большевиков к вакуфной проблеме. Рассматривается ранняя советская попытка решения вакуфного вопроса, который остался большевикам в наследство от колониальной администрации Туркестанского края.

**Даниил
Мелентьев**

Школа
гуманитарных
наук исторического
факультета НИУ
«Высшая Школа
Экономики»

Ключевые слова: Главное Вакуфное Управление, джадиды, модернизация, советизация, государственные реформы, образование, просвещение, Туркестан, Средняя Азия.

История советского Туркестана (1917–1924) активно исследуется в современной историографии, но еще имеет ряд пробелов и неточностей. В первой половине 1920-х годов большевики, хотя и отрицали имперское прошлое, пытались осуществить некоторые нереализованные проекты царского времени. Необходимо обращать больше внимания на институты, которые создавались в раннесоветский период на внутреннем Востоке России. Отталкиваясь от институтов, можно выйти на более широкие и общие темы, в первую очередь — советизацию и модернизацию культуры российской Средней Азии, или «культурную революцию». Через частности, подобные Главному Вакуфному Управлению (ГВУ), есть возможность связать институциональное строительство с формированием национальных республик в среднеазиатском регионе. Особое внимание нужно уделить учреждениям образования и просвещения. Эта область требует кардинального пересмотра старых клише как идеологизированного советского периода, так и тенденциозности и ангажированности конца XX — начала XXI столетия. Целью данной статьи является изучение деятельности Главного Вакуфного Управления (1923–1926), которое занималось регулированием, реформированием и советизацией

мусульманской системы образования, а также роли вакуфного имущества в деле финансового обеспечения советских школ. Для проведения исследования активности ГВУ был избран институциональный подход. Эта методика позволяет продемонстрировать процесс создания образовательных практик в мусульманской системе образования, дает возможность четко иллюстрировать механизмы реализации реформ, а также учитывает характер советской бюрократической документации.

В историографии тема регулирования религиозного образования еще слабо изучена. Современная литература отошла от понятия «прогрессивности», но «модернизация» еще остается актуальной в отношении к мусульманскому образованию (Шигабдинов, 2009; Халилова, Бабаджанов, 2017; Мухамедов, 2017). Оно ставится в контекст установившейся в научном сообществе парадигмы «грубого насилия советской системы» над старыми институтами и их представителями. На самом деле ситуация обстоит гораздо сложнее. В современной литературе мусульманское образование в Туркестане — «жертва» репрессий. В анализе реформ, которые происходили в раннесоветской Средней Азии, исследователи стараются смотреть глазами мусульман и духовенства, которое было настроено явно оппозиционно, ограничиваясь парой фраз о жесткости социалистического строя, при этом забывая продемонстрировать позицию государства, а также части мусульманской элиты, которая стояла на стороне Советов. Данная статья призвана эксплицировать логику советского правительства во время проведения реформы традиционной конфессиональной школы в Туркестане, где свою роль сыграли вакуфы.

В современных научных работах проблема вакуфа в раннесоветской Средней Азии изучается (Penati, 2015; Reichmuth, 2010). Такие темы, как судьба реформирования исламского образования, процесс советизации мусульманских учебных заведений, привлечение местного населения к мероприятиям по поддержанию советской школы, мало проработаны. Хорошо изучено мусульманское обновленческое движение *джадидов*. Правда, и здесь необходимо внимательнее разобрать функции джадидов в советских органах культуры и просвещения. Отечественные и зарубежные исследователи сфокусированы на деятельности джадидов в дореволюционный период, насколько они были плодом колониализма Российской империи. Исследователи уже обращали внимание на ГВУ, что отражено в коллективном труде: «*Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States*» (Muminov, Gafurov, Shigabdinov, 2010). Главный тезис авторов заключается в том, что советизация пагубно сказалась на мусульманской школе, сделав ее зависимой от власти.

Более подробно участие ГВУ в реформировании и советизации образования разобрано в статье Pianciola, Sartori (2007). Один из выводов, которые делают авторы, гласит, что у советской власти не было внятной позиции по вакуфному вопросу. Подобное утверждение не совсем верно, поскольку программа действия у туркестанских большевиков по вакуфу все-таки была. Также вызывает сомнение, что туркестанские большевики вошли в союз с джадидами ради получения контроля над обществом. На это хочется возразить, что сами джадиды были непопулярны в мусульманской среде. Коренные жители предпочитали не их «новый метод» обучения, а традиционную «старую» школу. Население скорее было реакционным, чем прогрессивным. Положение, гласящее, что на примере проблемы вакуфа в советском Туркестане можно сделать вывод об общей политике большевиков в регионе, где они, по мнению авторов, ничего не понимали, — слишком громкое заявление, требующее привлечения ряда доказательств и примеров. Большевики отдавали себе отчет, что они делают и для чего.

Источниковая база настоящего исследования состоит из документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Это материалы Бюро секретариата ЦК РКП(б) (Ф. 17. О. 84) туркестанского отделения, документы Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Ф. 122. О. 1–4), Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) (Ф. 62. О. 1–4). По виду это законодательные источники, акты, делопроизводственная документация, статистика, циркуляры, постановления, отчеты и доклады, отправленные чиновниками из Ташкента в Москву. Язык документации — русский. Выделяется ряд проблем, связанных с материалами. Неизвестно кто составлял отчеты — коммунисты или джадиды? За дискурсом советских официальных документов иногда сложно увидеть грань между реальными действиями и декларациями. Это связано с тем, что до московских архивов доходила не вся информация. Основной документооборот происходил в Ташкенте, который являлся административным центром Туркестана. В документах московских архивов не были обнаружены вакуфные грамоты (*вакф-наме*), которые могли бы дать более точные сведения о манипуляциях власти вакуфами. Этот вид источника находится в ташкентских архивах, в частности в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз), возможно в Государственном архиве города Ташкента (ГАГТ), где хранятся документы на арабском, фарси или тюрки в арабской графике (Султанов, 2013) и куда автору не удалось попасть.

Встает вопрос: насколько такие конъюнктурные советские документы репрезентативны для объективной реконструкции прошлого без привлечения, к примеру, нарративных источников? И другой: можно ли по московским архивам, без использования материалов узбекских, судить о роли ГВУ в процессе советизации традиционного мусульманского образования? Отвечая на поставленные вопросы, надо сказать, что содержимое московских материалов открывает новые грани процессов, происходивших с мусульманским образованием в советском Туркестане. Это свойство делает их важными и уникальными. На основе московских архивов есть возможность продемонстрировать начальный этап советизации мусульманского образования. Насколько данные, отраженные в документах, исполнялись на практике, точно сказать сложно. Они требуют дальнейшей детальной проработки и исследования. Репрезентативность документов заключается в том, что они помогают частично смоделировать политику советской власти в отношении религии в Туркестане. По московским источникам можно проследить, по каким критериям происходило распределение экспроприированных средств на нужды образования.

Важно рассмотреть, какие функции выполняло ГВУ в сфере государственного регулирования мусульманского вероучения в образовательных заведениях. Каковы были способы советизации мактабов и медресе? В чем заключалась роль джадидов в советском Туркестане? Наконец, было ли заинтересовано большевистское правительство в переформатировании исламской традиционной системы образования? Поскольку в отношении вакуфа и мусульманского образования еще в колониальный период разрабатывались планы по постановке их на службу государству, необходимо определить, насколько взгляды власти сохранили преемственность, или произошел разрыв. Взяло ли советское правительство в Туркестане на вооружение имперскую модель в отношении вакуфов или она была новой? Насколько активно колониальная и советская власть вкладывалась в создание образовательной инфраструктуры в Туркестане и к каким практикам прибегала?

ВАКУФ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В КОЛОНИАЛЬНОМ ТУРКЕСТАНЕ

В 1865 году царская армия завоевала Ташкент, что ознаменовало присоединение большей части среднеазиатского региона к Российской империи. В 1867 году было создано Туркестанское генерал-губернаторство с административным центром в Ташкенте. Империя на мусульманской окраине начала проводить политику русификации, которая заключалась в ненасильственном приобщении местных жителей к русской культуре и европейским ценностям (Миллер, 2002). Главная роль в этой политике отводилась образованию, для чего были созданы русско-туземные школы. Предполагалось, что совместное обучение русских (европейцев) и местных народностей изменит мировоззрение последних. Русско-туземные школы открывались в крупных городах, таких как Ташкент или Самарканд, где селились европейцы и находились колониальные властные структуры. В кишлаках пытались создавать русско-туземные школы, но они совершенно не оправдали себя, поскольку европейские институты контроля и принуждения там отсутствовали. К тому же население не имело постоянного контакта с европейцами, следовательно, не было заинтересовано в имперских школах. Со временем стало ясно, что русификация в Туркестане малоуспешна, а русско-туземные школы не могут заменить мактабы.

Имперская образовательная система не сумела потеснить традиционную мусульманскую — мактабы и медресе. Колониальная власть не пыталась регулировать конфессиональное образование, поскольку первым генерал-губернатором Туркестанского края Константином Петровичем фон Кауфманом (1818–1882) была выработана «политика невмешательства». Она выражалась в отсутствии контроля за мусульманским образованием. При имперской власти число традиционных религиозных учреждений: мечетей, мактабов и медресе — значительно возросло из-за индифферентности колониальной администрации (Бабаджанов, 2017). Мактабы — начальное образование — были независимы от государства в материальном плане. Они имели широкое распространение в Туркестане, в каждом кишлаке имелась одна или несколько школ. Их финансовое обеспечение производилось родителями учащихся либо через вакуфы. Пожертвования родителей выражались в твердой валюте, но чаще всего продуктами питания (Остроумов, 1906). Образование получали в основном мальчики, — девочки не ходили в школы, они проходили обучение на дому. Практика получения образования девочками была в основном прерогативой богатых или знатных семей.

Медресе представляло собой высшее учебное заведение в иерархии традиционного мусульманского образования. В нем обучались наиболее способные дети либо те, кто имел богатых родителей или был связан с духовенством. Обучение в медресе длилось порядка 20–30 лет. В них существовало подобие программы обучения, которая делилась на два цикла предметов — «традиционные» и «рациональные». Первые — это религиозные дисциплины, основа образования: арабский язык и экзегетика Корана (*тафсир*), исламская юриспруденция (*фикх*). Особое место отводилось догматическому богословию (*калам*). Во второй цикл входили каллиграфия, логика, математика, астрономия, философия (Frank, 2012, p. 65). Медресе в основном располагались в городах. Региональным образовательным центром Средней Азии была Бухара. В каждом из медресе находились *мударрисы* (учителя), *имамы*, *азанчи* (муэдзин — человек, призывающий на молитву), *муллабачи* (молодые преподаватели), *фарош* (дворник), *сартарош* (цирюльник), в некоторых — *хатиб* (проповедник, который проводит пятничную молитву — джума-на-

маз), *максурхан* (читающий ежедневно определенную часть из Корана) (Убайдуллоев, 2014). Вопросом назначения учителей в медресе, в отличие от мактабов, ведал сам эмир. В небольших городах назначением мударрисов занимались местные власти.

На рубеже веков среди мусульманской интеллигенции стали популярны идеи «обновления», или «модернизации» среднеазиатского общества. Выразителями подобных устремлений стали джадиды. Центральное место в мировоззрении джадидского движения занимало понятие о прогрессе, культивирование в обществе современных знаний, новых форм общественной организации (Khalid, 2009). Джадиды призывали к реформам в образовании. Они констатировали, что ислам требует от правоверного учиться и получать новое знание. Джадиды провозглашали возвращение к «подлинному исламу» и оригинальным мусульманским источникам, не обремененным комментариями ученых (Халид, 2010, с. 67).

Под влиянием джадидов женщины-татарки Туркестана в начале XX века начали высказываться за равноправие с мужчинами в получении образования, как религиозного, так и светского (Шадманова, 2012). Модернисты пытались создать сеть собственных школ, которые опирались на новый метод (*усул-и-джадид*) преподавания, однако их постигла та же участь, что и русско-туземные, — они не стали популярны в среде местного населения. Предпочтение отдавалось по-прежнему «старометодной» системе. Новометодные школы привлекали внимание некоторой части мусульманской интеллигенции, которая ориентировалась на взаимодействие с европейцами.

Вакуф (араб. *вакф*, мн. *аукаф*; дословно — установление надзора, остановка отношений собственности) — термин мусульманского права, означающий неотчуждаемое имущество, изъятое из гражданского оборота, которое не может быть предметом частной собственности. Он не может быть продан, заложен, подарен или отчужден, кроме того случая, когда юридическое лицо перестало существовать. В вакуф могли переходить земли, караван-сарай, лавки, бани, мельницы, деньги, книги (библиотеки) (Полвека в Туркестане, 2015, с. 482–487). Также вакуфы учреждались для поддержания мечетей, мактабов и медресе, служили источником социальной помощи нуждающимся (Мухамедов, 2015). В дореволюционном Туркестане существовала особая система, которая имела отличия от традиционного благотворительного вакуфа в странах мусульманского Востока. В Туркестане чиновники создали собственную классификацию вакуфа, которая разделялась на *законные* (полная утрата учредителем прав на переданное имущество), *обычные* (закрепленные за потомками учредителя с правом получения части дохода) и *смешанные* (часть дохода поступает в пользу завещателя, остальная часть идет на благотворительность). Нас интересуют смешанные вакуфы, или «*благотворительные*», поскольку этот тип вакуфа финансово обеспечивал реформу мусульманского образования и становление советской школы. Внутренняя стратификация института вакуфа имела управляющего (*казий*) и наблюдающего за вакуфным имуществом (*назир*).

Вакуфный вопрос в Туркестанском генерал-губернаторстве был одним из долго дискутируемых. Когда колониальная администрация попыталась упорядочить земельное владение в крае, это оказалось непросто сделать из-за вакуфов. Возникла проблема между Бухарским эмиратом, находившимся под протекторатом, и Туркестанским генерал-губернаторством. Как делить вакуфы и кому они должны в итоге принадлежать? (Pianciola, Sartori, 2007). Кроме земельного вопроса был и финансовый — с вакуфа туркестанская казна не получала никаких средств, так как это представляло общую нор-

му мусульманского права для стран с мусульманским правлением. Во властных кругах проходили дискуссии, надо ли брать с вакуфов определенный процент в казну? К. фон Кауфман утверждал, что вакуфы должны принадлежать государству (Абашин, 2003). Однако было решено отказаться от этой идеи, поскольку эта мера не окупится, в результате на баланс колониальной администрации автоматически перейдет содержание всей системы мусульманского образования. В колониальном Туркестане благотворительный вакуф служил для богатой прослойки населения способом ухода от налогов. Поняв это, власти установили ограничение на создание благотворительных вакуфов — их стало разрешено открывать только с постановления колониальных властей. В конечном итоге в дореволюционном Туркестане проблему вакуфных земель и имущества решить не смогли.

ВАКУФ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ ТУРКЕСТАНЕ

После Октябрьской революции (1917) все вакуфы были национализированы декретом Всероссийского съезда Советов о земле 26 октября 1917 года (Декреты советской власти, 1957, с. 17–19). По декрету отменялись все виды собственности, кроме государственной. 20 января 1918 года декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» было провозглашено, что школа отделяется от церкви, а преподавание религии в образовательных учреждениях запрещается. Обучаться религии разрешалось только частным образом (Декреты советской власти, 1957, с. 371–374). Поскольку в исламе нет института церкви, это выразилось в закрытии мактабов и медресе в Туркестане. Русско-туземные школы были ликвидированы большевиками как рассадники великорусского шовинизма. Новометодные джадидские школы были проигнорированы вследствие их малозначительности. 14 мая 1918 года приказом № 145 СНК Туркестанской республики было объявлено об организации советской общеобразовательной школы (Россия — Средняя Азия, 2011, с. 85).

Реформы в Туркестане требовали больших инвестиций. Было необходимо создавать производства, выстраивать новую систему начального и среднего образования, поддерживать высшую школу. В условиях дезорганизации властных структур, обрыва естественных связей с другими регионами страны, началом Гражданской войны и голода найти достаточно средств на все сразу было невероятно сложно. Поэтому в 1918–1919 годах туркестанское правительство принимает решение разделить вакуфы между Народным комиссариатом земледелия (НКЗ) и Народным комиссариатом просвещения (Наркомпрос) (Pianciola, Sartori, 2007). На такой шаг пошли для того, чтобы наркоматы могли находить средства для проведения модернизации соответствующей области самостоятельно, не дожидаясь субсидий Москвы.

Наркомпрос Туркестана в течение 1918 года находился на стадии организации, вследствие чего первые советские школы и инфраструктура для новой системы создавались при поддержке Туркестанского Народного Университета (ТНУ) (1918) и европейской интеллектуальной элиты (РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 58. Л. 38). При содействии ТНУ были организованы курсы иностранных языков, кройки и шитья (при пяти школах), сапожного дела (при трех школах), курсы плавания, инструкторов земельно-водных комитетов и другие. В общей сложности в Ташкенте за 1918 год университетом было создано: 11 общих начальных школ, 11 мусульманских школ, 8 детских площадок, 2 профессиональные (ремесленные) мусульманские школы (РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 58. Л. 38).

Попытка запрета всей дореволюционной системы образования оказалась необдуманным действием, которое вызвало протесты со стороны коренного мусульманского населения. Под социальным давлением большевики отходят от радикальной политики и начинают искать компромиссы. 9 ноября 1918 года разрешается преподавание мусульманского религиозного учения. Кроме того, религия пришла в советские школы. 20 марта 1919 года было принято решение об остановке приказа о закрытии традиционных мактабов. Но при этом власти отказали конфессиональным учебным заведениям в кредитах из казны (Россия — Средняя Азия, 2011, с. 86). В экономическом плане мактабы вернулись к обычной системе — обеспечению со стороны родителей учеников.

В Туркестане большевики сотрудничали с джадидами, привлекая их к работе в государственных органах. Советская власть поддерживала создание новометодных школ в областях края. В 1920 году в докладе в Комиссию ВЦИК по делам Туркестана С. Власова-Перовская, которая заведовала Отделом культуры и просвещения в Хиве, сообщала, что в городе новометодных школ не было и в помине, а преподавание в мактабах велось по старым методам — зазубриванием нараспев мест из Корана, которых дети совершенно не понимали (РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 58. Л. 265). В том же 1920 году чиновники из Чрезвычайной Комиссии ЦИК народного образования Туркестанской республики сетовали на то, что в Бухаре джадида «вырезаны» и нет возможности выстроить образование, опираясь на новые методы обучения (РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 58. Л. 183).

После установления советской власти в Бухаре, Хиве и Хорезме (1920) большевики пытались осторожно решать проблемы с вакуфами в этих землях, поскольку их концентрация была очень большой. Большевики понимали: ударить по вакуфу, который считался частью культа, значит одномоментно потерять опору в среде сочувствующих коммунистам, но не приемлющих радикальных изменений. Большевики отказываются лично вести агитацию против вакуфов в районах, где приверженность религии очень сильна, поручая это дело коммунистам-мусульманам, которые таким смешением мировоззрений должны психологически внедрить в сознание людей мысль о возможном сосуществовании ислама с атеистическим государством (РГАСПИ. Ф. 544. О. 4. Д. 32 Л. 23–35). В отношении вакуфного имущества туркестанские власти идут на компромисс. 20 июня 1922 года декретом ЦИК СНК Туркестанской республики вакуфы были возвращены мечетям и медресе. По декрету получаемые от эксплуатации вакуфного имущества средства должны расходоваться на содержание мактабов и медресе, ремонт, оплату труда мукаррисам, мукарирам, мутавакияям, муллам (ЦГА РУз. Ф. 17. О. 1. Д. 312. Л. 108–110. Цит. по. Karimov, Abramson, 2009, pp. 33–37).

13 сентября 1922 года решение туркестанских большевиков о преподавании религии в советских школах признается противоречащим основам советской политики в области народного образования и не вызванном интересами национальной политики (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 602. Л. 16). Было постановлено, что преподавание вероучения в советской школе разрешено, но в свободное от учебных занятий время и специальными преподавателями, которые оплачиваются родителями, пожелавшими обучать своих детей исламу (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 602. Л. 16). Изменение политики в отношении религии в советской школе связано с частичной утратой в 1920 году туркестанскими Советами независимости от Москвы.

Протокол заседания Президиума ВЦИК от 4 января 1923 года подтверждает запрет на преподавание религии в советских школах (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 602. Л. 18). Вслед

за решением издается циркуляр, который определил полномочия местных органов управления в Туркестане в отношении мер к мусульманскому вероучению и духовенству. По нему были недопустимы репрессии в отношении мулл за проповедь ислама и обучение догматам мусульманского вероучения в мечетях и на дому. Богословские школы, которые содержались за счет добровольных приношений, запрещалось закрывать. Преподавание догматов религии в советских школах, где обучались общеобразовательным предметам, не допускалось (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 602. Л. 19).

ГЛАВНОЕ ВАКУФНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И РЕФОРМЫ В МАКТАБЕ И МЕДРЕСЕ

Перед проведением реформы традиционной школы в 1922 году в Туркестане провели исследование грамотности коренного населения края. Оценка проводилась с точки зрения европейской системы образования, что подразумевало знание русского языка, умение на нем изъясняться и писать. Констатировалось, что с образованием населения края дело обстоит неблагоприятно. Низкий уровень комиссия связывала с влиянием духовенства, которое было еще сильно в среде тюркских народов (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 419. Л. 9). Коренное население можно было считать образованным, отталкиваясь от мусульманского понимания грамотности, то есть знания арабского языка, умения писать арабской графикой на тюрки или фарси.

В январе 1923 года было создано Главное Вакуфное Управление, в ведение которого было предано все вакуфное имущество Туркестанской республики. Головное здание располагалось в Ташкенте. ГВУ было создано с целью организовать управление вакуфным имуществом и направить его на культурно-просветительское дело коренного населения, а также советизацию мактабов и медресе, организацию советских школ (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 164). Для достижения поставленной цели сформировали специальные отделы и подотделы в областях Туркестана: в Сырдарьинской области — 2 подотдела; в Самаркандской области — 5; в Ферганской области — 5. ГВУ входил в структуру Наркомпроса (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 164). Советская власть в Туркестане прибегла к нереализованной дореволюционной модели огосударствления вакуфного имущества, что предлагал осуществить К. фон Кауфман.

ГВУ разработало программу, которая предполагала плавную трансформацию форм преподавания с постепенной ликвидацией религиозности в учебных заведениях. Это представлялось наилучшим способом сохранения лояльности населения и мусульманской интеллигенции. В ТАССР это предполагалось реализовать механизмом перехода от традиционной, или старометодной мусульманской школы к новометодной и затем к советской. Переход от одной модели к другой представлял собой наложение принципов преподавания с постепенным вычищением остатков первых двух и переходом на советские стандарты. Старометодная школа не хотела перестраиваться. Традиции просвещения и образования были вплетены в повседневную жизнь среднеазиатского общества. Продолжением реформы стал план по переобучению мударрисов на специальных курсах под надзором коммунистов. Это был первый шаг в сторону регулирования мусульманских школ.

В 1924 году ГВУ приступило к реорганизации старометодных мактабов и медресе. Первоначально провели регистрацию и обследование старометодных мактабов вместе с определением квалификации мударрисов (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 166). Реформа религиозной составляющей предполагала сведение ее к учению о морали. Ежедневно выделялось 3 учебных часа для новометодного преподавания: обучение грамоте, прохож-

дение элементарного курса родного языка и арифметики (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 166). После реформы мактаб оказался всецело подчинен Наркомпросу, став в равной степени с советской школой одним из звеньев культурного строительства в Туркестане.

К реформе медресе ГВУ подходило осторожнее. Преподавание в медресе оценивалось как устарелое и неэффективное. По мнению советской власти, мактабы и медресе выпускали из своих стен не подготовленных к жизни молодых людей, которых необходимо было переучивать, социализировать/интегрировать в советскую действительность (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 166). В медресе по всему Туркестану проводился сбор данных о преподавательском составе и учениках. Выявлялись социальное положение учащихся, возраст, отношение к обучению, квалификация мударрисов (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 166). Переформатированию подверглось внутреннее пространство медресе, которое не соответствовало новым стандартам, что стало главной причиной медленного реформирования. В медресе устанавливался привычный для европейской системы образования инвентарь: парты, стулья, доски. Планировалось, что медресе превратится по форме обучения в советскую школу I (1–4 классы) и II (5–9 классы) ступени. Поэтому срок обучения сокращался до 9 лет (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 167–168).

Были сформулированы разного рода цензы для поступления в медресе. На I ступень обучения зачислялись лица не старше 20 лет, умеющие бегло читать и писать по-русски. Поступающий на II ступень обучения в медресе должен был усвоить объем знаний, соответствующий семи годам обучения в советской школе. Условием приема являлся возраст не старше 25 лет. Третья ступень в медресе содержала программу полного среднего образования, то есть советской школы I и II ступени. На этой стадии в медресе зачислялись ученики не старше 30 лет (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 168). Для принятия учащихся на каждую из ступеней были созданы подготовительные курсы.

Педагогический состав вставал на учет в ГВУ, все традиционные институты образования фиксировались, а затем преобразовывались. Медресе и мактабы, принятые на учет, подлежали закрытию и открывались по мере их советизации. В результате время, отведенное на изучение профессиональной литературы, ужималось, вводились обязательные предметы из советских школ: история бытовой культуры, история социалистической мысли и другие (Луначарский, 1976, с. 456–460).

Таблица 1

Реорганизованные мактабы и медресе по 3 областям Туркестана в 1924 году (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 168).

Область	Наименование	Всего зарегистрировано	Из них реорганизовано	На число учеников	Фактически учатся
Сырдарьинская область	Медресе	22	6	375	193
	Мактабы	112	6	550	550
Самаркандская область	Медресе	58	7	410	360
	Мактабы	45	13	810	665
Ферганская область	Медресе	188	8	520	370
	Мактабы	57	10	570	460
Всего	Медресе	268	21	1305	873
	Мактабы	214	29	1930	1675
	Всего	482	50	3235	2548

По данным из таблицы, за год не подверглось реорганизации меньше 50% медресе из попавших в учет. Просматривается недобор учащихся в мактабах, который составляет 13%. Более высокие показатели по мактабам связаны с необходимостью получения начального образования для полноценного существования в обществе. На 1923/1924 учебный год предполагалось реорганизовать 40% всех мактабов и медресе, но реформирование было приостановлено вследствие неоконченного переустройства помещений (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 169).

ГВУ обеспечивало регулирование финансов. Национализированные средства вакуффов распределялись на печать учебной литературы на местных языках, постройку новых учебных заведений и реставрацию старых. На вакуфные средства происходило содержание курсов по переобучению мударрисов и омоложение педагогического состава в учебных заведениях. Обновление учительского персонала происходило по желанию преподавателей мактабов и медресе. Курсы предполагали пять месяцев обучения. Они были открыты в Ташкенте, Самарканде, Андижане и Ходженте. На курсы зачислялись грамотные и сочувствующие реформе мусульманского образования кандидаты в возрасте от 20 до 30 лет. В виде исключения для мударрисов, преданных педагогической работе, приемный возраст мог быть увеличен до 40 лет (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 167).

Если мударрисы отказывались проходить курсы переобучения, то их снимали с должности и вакуфные отделы подыскивали подходящих кандидатов на их место. После окончания переподготовки мударрисы направлялись на работу в мактабы, которые не пожелали послать учителей на курсы (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 167). Программа курсов заключалась в изучении «звукового метода» преподавания, освоении арифметики в пределах простых чисел. Проводился цикл лекций по естествознанию с лабораторной практикой, политическая программа, экскурсии, практика школьных занятий и посещение советских школ (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 167).

ПРОБЛЕМЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ

ГВУ столкнулось со структурными проблемами при реализации реформ. Чиновники жаловались на изъяны законодательства, а иногда даже противодействие со стороны других учреждений (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 170). По мнению представителей ГВУ, среди некоторых учреждений отсутствовало осознание важности вакуфного вопроса в Туркестане. Например, в Хорезме в некоторых районах вакуфные владения превышали 50%, а в иных достигали 90% всей обрабатываемой земли в области (РГАСПИ. Ф. 544. О. 4. Д. 32. Л. 28). Одной из причин замедления реформы был действующий декрет ТурЦИКа по вакуфному праву, опубликованный в 1922 году за № 173 (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 170). В какой-то мере ГВУ столкнулось с теми же проблемами, что и чиновники в Российской империи, — установление точной правовой структуры вакуфа. Необходимо было выяснить взаимоотношения с Народным комитетом финансов (НКФ), Народным комитетом земледелия (НКЗ), Главным управлением коммунальных хозяйств, Центральным управлением архивным делом Туркестана (Цуардел) и Туркестанским комитетом по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис).

Путаница возникла из-за переплетения полномочий и смежного функционала ГВУ. Такие ведомства, как Туркомстарис и Цуардел, совместно использовали вакуф для собственных нужд. 29 мая 1920 года был создан Цуардел, на который возлагались функции

управления архивным делом и государственным архивным фондом в ТАССР. Центральный отдел располагался в Ташкенте, также были созданы филиалы в Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Закаспийской и Амударьинской областях (РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 70. Л. 8). Цуардел состоял из семи отделов. В отдел государственного архивного фонда входило восемь секций, одной из которых была восточная, содержащая в себе архивы местного мусульманского духовенства, вакуфных учреждений, дервишских орденов, бывших самостоятельных владельцев, народных судов (казиев, биев), духовно-гражданских организаций (РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 70. Л. 16).

22 мая 1921 года постановлением СНК Туркестанской республики при Наркомпросе в Ташкенте был создан Туркомстарис. Это учреждение предназначалось для объединения и управления музейным делом, охраны и реставрации памятников старины, искусства и природы. При Туркомстарисе был образован Совет, куда вошли представители Цуардела и других организаций (РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 73. Л. 35). Многими памятниками старины в Туркестане были мечети, при которых находились медресе. Соответственно, вакуфное имущество с документацией при создании Туркомстариса было недоступно для ГВУ в 1923–1924 году, поскольку частично за счет вакуфов производилась реконструкция исторических монументов.

ГВУ направило в ТурЦИК ряд требований, которые следовало принять для нормальной работы управления. Во-первых, ГВУ просило изъять из ведения Туркомстариса эксплуатацию вакуфных имуществ мечетей, признанных историческими памятниками мусульманского зодчества. Просило дать возможность получить от Цуардела подлинные вакуфные документы (вакф-наме), а также освободить вакуфное имущество от государственных и местных налогов и сборов. Требовало направить вакуфы по назначению — на культурно-просветительскую работу с коренным населением. ГВУ заявляло, что нужно уравнивать их права в отношении городских вакуфных имуществ с правами коммунальных хозяйств. Просило изъять из ведения коммунальных отделов вакуфное имущество и наконец установить точную юридическую структуру вакуфного права, поскольку отсутствие в законе строгого определенного понятия о вакуфах является тормозом в реализации реформ. Многие органы власти и отдельные лица понимали вакуфный вопрос по-своему, тем самым создавая путаницу (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 171).

РЕШЕНИЕ ВАКУФНОГО ВОПРОСА В ТУРКЕСТАНЕ

В 1923 году Центральный Комитет коммунистической партии Туркестана (ЦККПТ) постановил создать межведомственную комиссию по пересмотру существующих положений о вакуфе. В состав комиссии вошли представители от ЦККПТ, Народного комиссариата юстиции (НКЮ), Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), Наркомпроса, НКЗ, НКФ, Туркомстариса, Цуардела и ГВУ. Комиссия приступила к работе 8 сентября 1923 года и рассмотрела все вопросы, поставленные на повестку дня к 18 сентября. Все просьбы ГВУ по разделению полномочий учреждений удовлетворялись. Приоритет в распределении средств вакуфов отдавался ГВУ. Вышеперечисленные ведомства Туркестанской республики обязывались согласовывать свои действия по использованию вакуфных средств с ГВУ (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 172–175). Комиссия в кооперации с ГВУ выработала новые правила, которые уточняли положение вакуфа в Туркестане, вносили ясность в его использование. Особое внимание было уделено разрешению конфликта между ГВУ и НКЗ.

Все вакуфные учреждения вместе с имуществом, предназначенным для удовлетворения культурно-просветительских и религиозных потребностей коренного населения Туркестана, получили статус государственно-общественного достояния коренного населения. Доходы с вакуфного имущества шли в пользу того учреждения, в пользу которого они учреждены. ГВУ предоставлялось право распоряжаться излишками одного вакуфного учреждения в пользу другого, если последнее имеет культурно-просветительское значение. Все вакуфы разделялись на две категории: *религиозные* и *культурно-просветительские*, или *благотворительные*. К религиозным вакуфам относились вакуфы мечетей, кары-хане и «Максура», а к культурно-просветительским — остальные. Контроль за вакуфами, как религиозными, так и культурно-просветительскими, принадлежал теперь ГВУ. Учреждение новых вакуфов допускалось лишь в пользу культурно-просветительских, или благотворительных учреждений. Новые вакуфы учреждались у мусульманских шариатских судей — казиев, копии с каждого акта (вакф-наме), должны были регистрироваться и заверяться ГВУ или его областным отделом. Цуардел обязывался передать ГВУ вакуфные документы во временное пользование (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 172–173).

Вакуфы, законность и дореволюционная принадлежность которых не вызывает никаких сомнений и которые состоят в распоряжении коммунальных хозяйств или органов НКЗ, передаются ГВУ по «особому списку» с приведением в нем ссылок на документы (вакф-наме). Составление списка производится совместно коммунальными хозяйствами НКЗ и ГВУ. Вакуфы, принадлежность которых является неустановленной или спорной, передаются коммунальными хозяйствами и НКЗ в ГВУ на разбирательство. При отсутствии соглашения по поводу вакуфа между коммунальными хозяйствами или органами НКЗ с ГВУ должно было составляться подробное постановление с приведением доводов сторон. Затем оно предоставлялось в исполком и НКВД или НКЗ для окончательного разрешения на объединенном заседании всех заинтересованных учреждений. Для руководства на местах в отношении передачи вакуфов в ГВУ последнему надлежит создать инструкцию совместно с Главным управлением коммунальных хозяйств (ГУКХ), НКЗ и НКЮ, после передать ее своим отделам (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 173).

Вакуфные земли кишлаков, отдельных семей или групп лиц вне городской черты остаются в пользовании фактических распорядителей на основании закона о трудовом землепользовании, если земли эти переданы в порядке трудовой нормы беднейшему населению до 1-го сентября 1922 года. Установленные с них государственные налоги поступают в распоряжение местных исполкомов. Все вакуфные земли, не распределенные по трудовой норме, поступают в управление ГВУ. Вакуфное имущество, принадлежащее историческим памятникам мусульманского зодчества, переходит в распоряжение ГВУ. На вакуф возлагается обязанность выделять средства на ремонт и реставрацию памятников по смете Туркомстариса. Составление смет, планов работ и производство самих работ по ремонту жилых помещений (худжр), зданий исторического характера и предназначенных для учебных заведений (медресе), производится ГВУ по соглашению с Туркомстарисом за счет вакуфных средств. Техническое руководство работами осуществляет Туркомстарис (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 174).

Постановили, что имеют силу те вакуфы, которые действовали до завоевания Туркестана Российской империей, и те, которые были учреждены после, но не позднее 7 ноября 1917 года. Все документы об учреждении частными лицами вакуфных

земель, совершенные после обозначенных событий, должны считаться недействительными. ГВУ разрешалось взимать арендную плату за земли или помещения, принадлежащие вакуфу по договору, с государственных учреждений, организаций, предприятий и частных лиц. Если вакуфные документы (вакф-наме) оказались утраченными, ГВУ обязывалось их восстановить на основании письменных источников или свидетельских показаний. Спорные ситуации должны были разрешаться в административном порядке: с частными лицами и предприятиями — судом, с государственными учреждениями — арбитражной комиссией. Произошло размежевание вакуфных земель между Туркестанской республикой и Бухарой. Доходы с вакуфных имуществ, находящихся на территории Бухарской республики и Туркестанской республики, должны были передаваться по принадлежности «на основах взаимности» (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 175). Новое положение регламентировало правовое и юридическое состояние ГВУ, что было одной из целей созыва комиссии. Произошло разделение полномочий ведомств. ГВУ превращалось в орган распределения и контроля средств, выделяемых на просвещение в Туркестане. Оно приобрело рычаги влияния на конфессиональное образование, а также начальное советское образование в Туркестане.

Помощь ГВУ в развитии советских школ в Туркестане

ГВУ внесло вклад в строительство советской школы. Государственного финансирования не хватало для обеспечения широких реформ в сфере образования. 3 ноября 1923 года И.В. Сталину был адресован доклад с практическими предложениями ТуркЦИКа, где положение школьного дела ТАССР называлось чрезвычайно тяжелым и нуждающимся в поддержке со стороны РСФСР (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 104). Бюджет Туркестанской республики не покрывал всех расходов на развитие начального и среднего образования, поэтому местные власти приняли решение просить помощи у Москвы. От РСФСР требовалось принять на полное содержание 492 сельских и 150 городских школ, 32 уездные и 4 опытно-показательные для коренного населения (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 104). Также не хватало средств на издание учебников и пособий на местных языках.

Туркестанские власти предпринимали собственные шаги по улучшению образовательного климата. С целью помочь строительству сети советских школ был создан специальный культурно-просветительский фонд (1924). Задачей фонда было аккумулировать средства, собираемые в виде пожертвований населения в областях республики (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 197). Помимо общественной помощи, в фонд переводились деньги, отпускаемые сверх сметы Москвой, хозяйственными органами, вакуфные доходы, средства, собираемые постановкой спектаклей и концертов, а также помощь, получаемая от соседних республик — Бухары и Хорезма. (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 196). В Хорезме при *Назирате* (наркомате) просвещения работал отдел ГВУ, где был создан подобный благотворительный фонд для пожертвований на развитие образования и просвещения со сметой, которую разрабатывало местное Вакуфное управление и утверждал президиум Хорезмского ЦИК (РГАСПИ. Ф. 62. О. 2. Д. 83. Л. 102). Хорезмское вакуфное управление, как и ташкентское, преследовало единую цель — с помощью вакуфов профинансировать реформы в мусульманской системе образования и построить советскую школу.

Средства из фондов просвещения отчислялись на поддержку *универсов* (университет просвещения), техникумов, советских партийных школ, курсов подготовки учителей из местного населения, организацию домов просвещения для студентов-узбеков, киргизов и туркмен в Москве, налаживание издательского дела, поддержку культурно-просветительских обществ, которые полезны своей работой государству (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 198). Сбором пожертвований в фонд занималось Крайбюро. В целях укрепления экономической базы советских школ их начали прикреплять к организациям, аульным и кишлачным Обществам (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 198).

Организовывались акции помощи учебным заведениям с привлечением местного населения — например, чтобы провести ремонт школьных зданий или снабдить их продуктами питания (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 198). Отмечалось, что общественная помощь должна основываться на добровольных началах. Позже культурно-просветительский фонд включили в специально созданное Бюро содействия просвещению (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 198). В задачи Бюро входило проведение культурно-массовых мероприятий при помощи государства или общественности (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 198). В каждом ауле и кишлаке Бюро организовывало ячейки содействия просвещению, которые состояли из председателя аульного и кишлачного Совета и четырех аксакалов (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 198). Таким образом создавалась сеть вспомогательных учреждений для поддержания и строительства советских школ.

В фонд могли вносить пожертвования жители и организации. Собранные средства направлялись на нужды школ Туркестанской республики (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 104). Пожертвований оказалось немного, поскольку люди были бедны, а край только начал восстанавливаться после Гражданской войны. Деньги из Москвы шли в основном на ирригацию и земельную реформу. Средства были найдены путем использования имущества закрытых медресе, которые находились под контролем ГВУ. Советские училища, ранее состоящие на балансе Наркомпроса, были сняты с государственного и местного бюджета и кредитовались вакуфами (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 169).

Таблица 2

Средства, выделяемые ГВУ на функционирование образования, на примере Сырдарьинской области в 1924 году
(РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 169).

Наименование учебного заведения и место нахождения	Количество	Число учеников	Число преподавательского состава
Школа I ступени в старом Ташкенте	25	3000	114
3-годичные экономические курсы в старом Ташкенте	1	100	5
Всего	26	3100	119

Кроме того, ГВУ брало шефство над некоторыми образовательными объектами. Например, в Самаркандской и Ферганской областях находились на «иждивении вакуфа» 5 школ I ступени и одна образцовая школа, два интерната, а в Самарканде, Ходженте, Коканде и Ташкенте на вакуфные средства были открыты краткосрочные учительские курсы общим числом слушателей 250 человек (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 169–170).

Таблица 3

Учебные заведения в шефстве ГВУ в 1923/1924 учебном году
(РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 169).

Наименование учебного заведения и место нахождения	Количество	Число учеников	Число преподавательского состава
Сырдарьинская область: педагогический техникум в старом Ташкенте	1	150	-
Старый Ташкент: педагогический техникум	1	100	-
Женский интернат 12 в старом Ташкенте	1	120	-
Всего	3	370	-

ГВУ за период 1923–1924 гг. построило в старой части Ташкента три новые школы (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 170), в Андижане были приняты меры к созданию советской школы на площади «Джамия». Однако позже от этой идеи отказались и было решено открыть на выделенные средства пятую образцовую школу, снятую с финансирования Наркомпроса и поставленную на баланс ГВУ (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 170). Даже после передачи части школ на баланс ГВУ денег все равно не хватало, вследствие чего Туркестанская республика сняла с государственного бюджета всю сеть советских школ. Частично пришлось прибегнуть к содержанию школ за счет населения, то есть ввести оплату за обучение. Имеющие краевое значение советские школы остались на бюджете Наркомпроса (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 196). В Москве были недовольны отступлением от социалистической программы бесплатного образования. Луначарский просил туркестанский Наркомпрос отказаться от такой практики, потому что «введение платности в государственных школах является мерой нецелесообразной и несвоевременной» и «плата (за образование) не должна быть допущена в пределах РСФСР» (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 419. Л. 12). Чтобы избежать коммерциализации советского образования, было предложено прикреплять школы к государственным промышленным предприятиям, профсоюзам и другим организациям, введение шефства кооперативами, предприятиями, объединениями частных лиц (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 419. Л. 12).

Из-за неэффективного функционирования органов управления Туркестана кампания по организации помощи местного населения советским школам провалилась, что обрекало их влачить жалкое существование и закрываться (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 196). Чиновники считали недопустимым дальнейшее сокращения советских школ, которые не обслуживали и 7% Туркестанской республики (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 197). Местные власти предприняли еще одну попытку помощи школам и стали организовывать специальные акции по привлечению внимания к проблемам образования. Проводились «недели» и «месячники просвещения» (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 196), на которых разъяснялась необходимость получения образования и пропагандировалась в среде местного населения важность создания новых школ. Но и эти мероприятия из-за плохой организации ничего не дали. В результате основной школы в Туркестане, за редкими исключениями, почти не было. Несмотря на материальный кризис, среди населе-

ния Турккеспублики проснулся интерес к просвещению. Стихийно создавались частные школы, появился спрос на учебную литературу (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 196).

В октябре-ноябре 1924 года в тюркоязычных областях была проведена вторая инспекция Наркомпроса по выявлению материального и организационного положения народного образования. Результаты показали, что в некоторых регионах органы народного образования укрепились, а постановка просветительской работы в Туркестане в хозяйственном и педагогическом отношении улучшилась (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 1008. Л. 5). По мере стабилизации экономического благосостояния государства ситуация со снабжением и финансированием школ постепенно начала выравниваться. В большинстве областей Туркестана наблюдалось укрепление материальной базы советских школ (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 819. Л. 51). Снизились средства, выделяемые из местного бюджета на сферу образования, что можно связывать как с мероприятиями ГВУ, так и с помощью Москвы.

Инициированные властями Туркестанской республики в 1924 году меры по привлечению помощи местного населения к строительству советских школ можно признать отчасти эффективными. Необходимо отметить, что во время обследования положения народного образования в Туркестане выявились и недостатки: районные бюджеты (сметы) плохо организованы; оплата работникам школ находится в хаотическом состоянии, зачастую просто нечем платить; общественная помощь школам организована слабо; отмечается недостаточная активность общественных организаций (РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 819. Л. 51).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Короткая, но любопытная история Главного Вакуфного Управления открывает для исследователей раннего советского Туркестана еще одну грань советской государственной политики. Она демонстрирует, что большевистское руководство на определенных этапах было гибким и способным принимать прагматичные решения, идти на компромиссы. Коммунисты не собирались мириться с доминированием религии в обществе и образовании, но были готовы оттянуть момент полного перехода к атеизму, делая его более мягким и безболезненным. ГВУ соединило в себе советскую форму организации института регулирования и исламское содержание, то есть кооперацию с джадидами для проведения реформ в системе конфессионального образования. У чиновников из ГВУ был четкий план действий, который заключался в регистрации мактабов и медресе в Туркестане, постановке на учет студентов медресе, мониторинге знаний учащихся, создании специальных курсов переобучения для преподавателей мактабов и медресе, переустройстве внутренней обстановки/пространства в мактабах и медресе.

Реформы, которые были намечены ГВУ, предполагали советизацию традиционного мусульманского образования в Туркестане. Советизация, проводившаяся через переобучение под надзором коммунистов на курсах, не что иное как «перевоспитание» педагогического персонала мактабов и медресе. Это начало проекта по возвращению собственного «советского мусульманского духовенства» для пропаганды и проникновения в жизнь мусульман советских стандартов. Советская власть отчетливо понимала, что исламские устои сильны в туркестанском обществе, их не сломала революция и период закрытия конфессиональных учебных заведений. Было принято решение постепенно, а не форсированно прививать «советскость» в консервативном обществе Туркестана. Несмотря на перспективность проекта, он не был завершен, попав под волну критики ближе к концу 1920-х, а в 1930-х вообще свернут.

Основной вектор трансформации был направлен на обновление, или «модернизацию» старометодного преподавания новометодными практиками, позаимствованными у джадидов. Джадиды в ГВУ играли ведущую роль: они работали на курсах по переобучению, выступали в качестве учителей в реорганизованных мактабах и медресе. Начиная с Октябрьской революции и до конца 1920-х джадиды чувствовали себя комфортно в советской системе. Они стали важным звеном между советской властью и народом. Их знания были необходимы советскому правительству для реализации реформ. Кооперация джадидов с большевиками принесла немало дивидендов, поскольку они претворили в жизнь многое из того, что пропагандировали в своих публицистических работах до революции.

Советская власть в Туркестане столкнулась при решении вакуфного вопроса с теми же проблемами, что и имперская администрация в конце XIX века. В частности, это неразбериха с взиманием налогов с вакуфов. Советское правительство в Туркестане воспользовалось некоторыми наработками, но пошло дальше: была национализирована вся земля под вакуфы; началось взимание с вакуфного имущества налогов (исключение составляло благотворительное, так как им поддерживались культурно-просветительские учреждения в Туркестане); ограничивалось создание вакуфов до единственно возможного — благотворительного. Советская власть в кооперации с джадидами, которые представляли часть мусульманской элиты, решила вакуфную проблему, осложнявшую проведение земельной реформы в Туркестане и мешавшую территориальному размежеванию республик, поскольку некоторые вакуфные земли были разделены, например, между Туркменистаном и Узбекистаном.

Тяжелая экономическая и социально-политическая обстановка первых лет после Октябрьской революции заставила туркестанских большевиков перевести с баланса Наркомпроса на расходную смету ГВУ всю сеть начальных и средних советских школ. Поскольку советская система была социально-ориентированной, бравшей на себя все расходы по обеспечению учащихся в школах, она не смогла содержать школы и проводить одновременно реформы в других сферах. На время пришлось отступить от социальных завоеваний: ввести плату за обучение, привлекать добровольцев к реставрации школьных помещений, проводить различные акции по привлечению внимания местного населения к состоянию школ для получения пожертвований. Эти меры оказались неэффективными, пришлось снова обратиться к вакуфу и ГВУ, которое поддерживало финансово советские школы. Кратко суммируя деятельность ГВУ в области образования и просвещения, нужно точно указать: в отношении мусульманского образования ГВУ выступало как орган, проводящий реформы мактабов и медресе по «новометодному» образцу джадидов; в отношении советской системы ГВУ выступало в роли донора, который спонсировал содержание всей системы советских школ в Туркестане.

В 1925 году программа по модернизации и советизации мусульманского образования была свернута, а ГВУ прекратило свое существование в 1926 году. Необходимость в дальнейшей трансформации конфессиональных учебных заведениях отпала, что, на наш взгляд, связано со сменой власти в РКП(б), которая стала отказываться от компромиссов. Большевики уже отчетливо понимали, что в стране не осталось никакой реальной оппозиции. Прагматизм власти, который давал возможность туркестанским элитам пространство для маневра, постепенно сменяется на более централизованные методы управления среднеазиатскими окраинами, которые вошли в эпоху становления национальных республик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 419. Л. 9.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 419. Л. 12.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 104.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 164-178.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 526. Л. 196-198.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 602. Л. 16.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 602. Л. 18.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 602. Л. 19.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 819. Л. 51.
 РГАСПИ. Ф. 17. О. 84. Д. 1008. Л. 5.
 РГАСПИ. Ф. 62. О. 2. Д. 83. Л. 102-104.
 РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 58. Л. 12-83.
 РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 58. Л. 182-185.
 РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 58. Л. 265-271.
 РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 70. Л. 8-18.
 РГАСПИ. Ф. 122. О. 1. Д. 73. Л. 34-37.
 РГАСПИ. Ф. 544. О. 4. Д. 32. Л. 23-35.
 ЦГА РУз. Ф. 17. О. 1. Д. 312. Л. 108-110.
 Декреты советской власти (1957). Т. 1. Москва: Издательство политической литературы.
 Остроумов Н.П. (1906). Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае. *Журнал Министерства Народного Просвещения*, Ч. 1, 1-58.
 Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды (2015). Москва: Изд. дом Марджани.
 Karimov E, Abramson D. (2009). Religion Made Official: A Comprehensive Collection of Documents of Religion from the State Archives of Soviet Uzbekistan. Almaty: IFEAS.

Литература

- Абашин С.Н. (2003). Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана: вакуфное дело Дахбитского медресе 1892-1900. *Сборник Русского исторического Общества*, 7 (155), 163-191.
 Бабаджанов Б.М. (2017). Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизованных» и «колонизаторов») // *Мусульмане в новой имперской политике*. М.: «Садра». С. 104-156.
 Луначарский А.В. (1976). О воспитании и образовании. Москва: «Педагогика».
 Миллер А. (2002). Русификация: классифицировать и понять. *Ab Imperio*, 2, 133-148.
 Мухамедов Ш.Б. (2015). Совет Туркестанского генерал-губернатора и определение тактики и стратегии в решении вакуфного вопроса в Туркестане (1887-1917): причины фиаско. *Метаморфозы истории*, 6, 266-298.
 Мухамедов Ш.Б. (2017). Учебное дело в Русском Туркестане: организация краевого управления и первые шаги. *Метаморфозы истории*, 10, 236-254.
 Россия — Средняя Азия. Политика и ислам в XX веке (2011). Т. 2. Москва: Ленанд.
 Султанов У.А. (2013). К истории образования и деятельности вакфной администрации медресе Кукельдаш (XVI — начало XX в.). *Восток (Oriens)*, 5, 43-53.
 Убайдуллоев Н.К. (2014). К вопросу о количестве медресе Восточной Бухары в конце XIX — начале XX вв. *Вестник ТГУПБП*, 3 (59), 192-197.

- Халид А. (2010). Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. Москва: Новое литературное обозрение.
- Халилова З, Бабаджанов Б. (2017). Советская идеология в медресе: политические контексты и учебная практика. *Islamology*, Т. 7, 2, 29–52.
- Шадманова С. (2012). Некоторые взгляды на жизнь женщин-мусульманок в Туркестане в конце XIX — начале XX в. (На основе материалов периодической печати). *Pax islamica*, 1–2 (8–9), 85–91.
- Шигабдинов Р.Н. (2009). Улама и реформы 1920-х годов в Средней Азии. *Pax Islamica*, 1 (2), 54–67.
- Frank, Allen J. (2012). Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. Leiden and Boston, MA: Brill.
- Khalid A. (2009). Culture and Power in Colonial Turkestan. *Cahiers d'Asie centrale*, 17/18, 413–447.
- Muminov A., Gafurov U., Shigabdinov R. (2010). Islamic education in Soviet and post-Soviet Uzbekistan. In M. Kemper, R. Motika, S. Reichmuth (Eds.), *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States* (pp. 223–280). London: Routledge.
- Penati B. (2015). On the Local Origins of the Soviet Attack on “Religious” Waqf in the Uzbek SSR (1927). *Acta Slavica Iaponica*, Т. 36, 39–72.
- Pianciola N, Sartori P. (2007). Waqf in Turkestan: the Colonial Legacy and the Fate of an Islamic Institution in early Soviet Central Asia 1917–1924. *Central Asian Survey*, 26(4), 475–498.
- Reichmuth P. (2010). “Lost in the Revolution”: Bukharan waqf and Testimony Documents from the Early Soviet Period. *Die Welt des Islams*, 50, 362–396.

LIST OF SOURCES AND LITERATURE

Sources

- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 419. L. 9.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 419. L. 12.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 526. L. 104.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 526. L. 164–178.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 526. L. 196–198.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 602. L. 16.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 602. L. 18.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 602. L. 19.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 819. L. 51.
- RGASPI. F. 17. O. 84. D. 1008. L. 5.
- RGASPI. F. 62. O. 2. D. 83. L. 102–104.
- RGASPI. F. 122. O. 1. D. 58. L. 12–83.
- RGASPI. F. 122. O. 1. D. 58. L. 182 — 185.
- RGASPI. F. 122. O. 1. D. 58. L. 265–271.
- RGASPI. F. 122. O. 1. D. 70. L. 8–18.
- RGASPI. F. 122. O. 1. D. 73. L. 34–37.
- RGASPI. F. 544. O. 4. D. 32. 32. 23–35.
- Central Administrative District of the Republic of Uzbekistan. F. 17. O. 1. D. 312. L. 108–110.
- Decrees of the Soviet government (1957). Т. 1. Moscow: Publishing house of political literature. (in Russian)
- Half a century in Turkestan. V.P. Nalivkin: biography, documents, works (2015). Moscow: Izd. dom Mardzhani. (in Russian)

Karimov E, Abramson D. (2009). Religion Made Official: A Comprehensive Collection of Documents of Religion from the State Archives of Soviet Uzbekistan. Almaty: IFEAC.

Ostroumov N.P. (1907). Muslim Maktab and Russian-native schools in the Turkestan region. *Journal of the Ministry of National Education, Part 1*, 1-58. (in Russian)

Literature

Abashin S.N. (2003). Islam in the Bureaucratic Practice of the Tsarist Administration of Turkestan: the Waqf case of the Dachbi Madrassah 1892-1900. *Collection of the Russian Historical Society*, 7 (155), 163-191. (in Russian)

Alimova D.A. (2009). History like a history, history like a science. T. 2. The phenomenon of Jadidism. Tashkent, Uzbekistan. (in Russian)

Babadzhanov B.M. (2017). Andijan uprising in 1898 and the “Muslim question” in Turkestan (views of “colonized” and “colonialists”) in *Muslims in the new imperial policy* (pp. 104-156). Moscow: “Sadra”. (in Russian)

Lunacharsky A.V. (1976). About upbringing and education. Moscow: “Pedagogika”. (in Russian)

Miller A. (2002) Russification: classify and understand. *Ab Imperio*, 2, 133-148. (in Russian)

Muminov A., Gafurov U., Shigabdinov R. (2010). Islamic education in Soviet and post-Soviet Uzbekistan. In M. Kemper, R. Motika, S. Reichmuth (Eds.), *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States* (pp. 223-280). London: Routledge.